

ЛИЧНОСТЬ ВЪ ИЕЗУИТИЗМЪ.

По поводу выхода графа Р. Ноенсброехъ изъ ордена иезуитовъ.

Въ истекшемъ году въ католическомъ мірѣ случилось довольно рѣдкое событіе: изъ иезуитскаго ордена формально вышелъ одинъ изъ равнѣйшихъ членовъ его, пробывшій въ немъ 13 лѣтъ и въ свое время немало написавшій въ защиту ордена противъ разныхъ нареканий. Это именно графъ П. Гёнсбрехъ. Рѣшившись на такой смѣлый шагъ, онъ счелъ долгомъ объяснить свой поступокъ и съ этою цѣлью напечаталъ брошюру, подъ заглавіемъ: „Мой выходъ изъ иезуитскаго ордена“¹⁾. Въ ней онъ и изъясняетъ тѣ основанія, какія побудили его разстаться съ иезуитствомъ.

Читатель напрасно сталъ бы ожидать отъ этой брошюры скандальнаго разоблаченія тѣхъ темныхъ сторонъ иезуитства, о которыхъ всего болѣе привыкли говорить у насъ и которыя указываются обыкновенно въ пресловутой морали ордена. Объ этомъ въ брошюру почти ничего не говорится. Авторъ даже готовъ принять эту мораль подъ свою защиту и мимоходомъ съ рѣшительностію заявляетъ, что „столь много поносимая всѣми мораль иезуитовъ образуетъ

изъ членовъ ордена мужей самаго безупрочнаго и чистаго образа жизни“ (стр. 10). Не распространяясь поэтому о морали ордена, авторъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на выясненіи другихъ сторонъ иезуитства, о которыхъ обыкновенно очень мало говорятъ, но которыя имѣютъ значеніе не меньшее, чѣмъ самая мораль. Оттого брошюра получаетъ особый интересъ и пройти ее молчаніемъ было бы непозволительно.

Не въ сомнительной морали ордена Исусова указываетъ графъ Гёнсбрехъ причину отпаденія своего. Такою причиною послужили для него два другихъ обстоятельства, именно:

1) *Иезуитизмъ подавляетъ, даже въ известной степени уничтожаетъ самостоятельность, характеръ, индивидуальность каждаго отдѣльнаго члена“* (стр. 11).

2) *„Иезуитизмъ подавляетъ, даже въ известной степени уничтожаетъ законное чувство національности, законный патриотизмъ“* (стр. 38).

Въ такихъ словахъ Гёнсбрехъ самъ формулируетъ ту двойственную причину, которая оттолкнула его отъ иезуитизма и сдѣлала невыносимымъ для него дальнѣйшее пребываніе въ орденѣ. Всестороннему разъясненію этихъ-то двухъ пунктовъ и посвящена почти вся его брошюра.

Въ высшей степени поучительно то, что повѣствуетъ авторъ по первому пункту на основаніи собственнаго опыта, пріобрѣтеннаго въ продолженіе 13-лѣтней жизни въ орденѣ. Послѣдуемъ его разсказу.

Замѣтивъ предварительно, что каждый человѣкъ имѣетъ прирожденное неотъемлемое право на свободное развитіе своей духовной индивидуальности и что никакое общество, какъ бы святы и возвышенны цѣли его ни были, не можетъ требовать отъ своихъ членовъ отреченія отъ этого естественнаго права, — авторъ показываетъ далѣе, какъ грубо и безпощадно попираетъ иезуитизмъ это самое, Богомъ дарованное человѣку, право. — Духовная индивидуальность человѣка проявляется, главнымъ образомъ, въ трехъ направленіяхъ: въ обычной повседневной жизни, въ научной дѣятельности и наконецъ въ сферѣ религіозно-аскетическаго самоусовершенствованія; — во всѣхъ этихъ направленіяхъ иезуитизмъ систематически стремится нивелировать духовную самостоятельность и самостоятельность своихъ членовъ,

¹⁾ Mein Austritt aus dem Jesuitenorden. Graf Paul von Hoensbroech (S. 1—45. Berlin, 1893). Въ теченіе одного года брошюра эта выдержала нѣсколько изданій, по крайней мѣрѣ — 6, если не болѣе. Хотя предъ нами только третье изданіе ея, но изъ Theolog. Literaturzeitung v. Harnack u. Schürer мы знаемъ, что уже въ іюль мѣсяцъ явилось шестое изданіе. Весьма возможно, что и во вторую половину года также послѣдовали еще новыя изданія ея.

неуклонно втискивая всѣхъ въ одинъ всеобъемлющій шаблонъ. И такое подавленіе индивидуальных особенностей въ людяхъ оказывается, по словамъ автора, „тѣмъ сильнѣе и дѣйствиѣе, чѣмъ менѣе оно заявляетъ себя въ какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятіяхъ. Это—капля воды, которая выдалбливаетъ камень медленно, но вѣрно; тихо, безшумно сглаживаетъ она его и отшлифовываетъ, не нанося поврежденія грубыми порывами. Почти незамѣтно, какъ бы само собою, указанное давленіе забираетъ въ руки всякаго вступающаго въ орденъ; оно захватываетъ его цѣликомъ, тѣло и душу, со дня на день, изъ году въ годъ; оно сопровождаетъ его при всѣхъ его дѣйствіяхъ и не покидаетъ уже болѣе, пока не dokonчитъ превращенія и не разрушитъ названной самостоятельности, или—пока самъ захваченный, распознавъ принудительность и незаконность давленія, не поспѣшитъ освободиться отъ него навсегда“ (стр. 13).

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ *обычной повседневной жизни* иезуитскаго ордена, авторъ настойчиво обращаетъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что громадное большинство вступающихъ въ орденъ является со-себѣ молодыми юношами въ возрастѣ 16—20 лѣтъ, и что всѣ они рѣшаются на этотъ шагъ, конечно, изъ самыхъ благородныхъ побужденій, съ полною преданностію дѣлу. Эта молодость и эта восторженность поступающихъ вновь членовъ сильно помогаютъ иезуитской нивелировкѣ:—юношескій характеръ самъ по себѣ уже воспримчивъ, а восторженная преданность еще болѣе усиливаетъ эту воспримчивость къ стороннимъ влияніямъ¹⁾.

Жизнь въ орденѣ для поступающихъ въ него молодыхъ людей начинается двухлѣтнимъ періодомъ *новіціата*. Въ

¹⁾ Здѣсь не лишне замѣтить, что самъ авторъ поступилъ въ орденъ сравнительно въ старшемъ уже возрастѣ, именно—26 лѣтъ. Ранѣе поступленія въ орденъ онъ окончилъ свое юридическое образованіе, побывалъ на государственной службѣ, немало путешествовалъ и много повидалъ,—словомъ, былъ вполне зрѣлымъ мужемъ, способнымъ къ самостоятельному сужденію. И онъ считаетъ себя обязаннымъ этому обстоятельству своимъ избавленіемъ отъ оковъ иезуитизма. „Если бы я,—говоритъ онъ,—подобно многимъ, подобно большинству другихъ, поступилъ въ орденъ совсѣмъ юнымъ и недоразвитымъ, то внутреннее превращеніе мое, быть можетъ, совершилось бы и я воспринялъ бы въ себя духъ иезуитизма“ (стр. 6).

этомъ періодѣ (равно какъ и въ послѣдующихъ стадіяхъ иезуитской жизни) самое распределеніе дневныхъ занятій составлено съ такимъ искусствомъ и въ такихъ мельчайшихъ подробностяхъ, что для самостоятельнаго развитія вѣшняго и внутренняго человѣка не остается никакого мѣста. „Не только на каждый часъ,—говоритъ авторъ,—но и на каждую четверть часа, даже на болѣе мелкіе промежутки времени, новіцію въ точности предписано, *что* онъ долженъ дѣлать. И именно въ этихъ, столь часто повторяющихся и такъ быстро другъ за другомъ слѣдующихъ, перерывахъ дѣятельности заключается сильнѣйшее средство къ уничтоженію самостоятельности. — Воля, склонность къ какой бы то ни было дѣятельности, окончательно притупляется. Всякій напередъ уже знаетъ, что то, что онъ теперь дѣлаетъ, продолжится недолго, но крайней мѣрѣ — до известнаго только момента, а можетъ статься, что знакъ къ прекращенію этого дѣла будетъ поданъ еще ранѣе и придется обратиться къ другому занятію. Такимъ образомъ постепенно привыкають безъ особенныхъ внутреннихъ затрудненій переходить отъ одного занятія къ другому; каждый можетъ быть оторванъ отъ дѣла и вновь къ нему приставленъ, можетъ быть посланъ куда-либо и тотчасъ же возвращенъ назадъ; 5 минутъ здѣсь, 10 минутъ тамъ; полчаса въ кухнѣ, часъ въ амбарѣ; сегодня съ метлою, завтра съ заступомъ въ рукѣ“.

„Посредствомъ всего этого достигается машинная рутинная, легкая подвижность и ловкость; но въ той же самой мѣрѣ теряется индивидуальная самостоятельность. Своенравіе такимъ путемъ, безъ сомнѣнія, искореняется и пріобрѣтается пунктуальное послушаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ воля вообще наносится сильный ударъ“ (стр. 15—16).

„Извѣстный фактъ, — продолжаетъ далѣе Гёцсбрехъ — что индивидуальность отпечатлѣвается и на обстановкѣ, въ которой человѣкъ живетъ, и на комнатѣ, въ которой онъ помѣщается, и на вещахъ, которыми онъ пользуется; съ другой стороны, самая индивидуальность получаетъ возбужденіе и поддержку отъ своеобразнаго качества всѣхъ этихъ предметовъ... И этого союзника индивидуальности иезуиты также сумѣли побороать.—Иезуитскому новіцію не только на каждую четверть часа предписано, *что* онъ долженъ

дѣлать, но и *мыслию*, въ которомъ онъ долженъ находиться; *родъ* и *способъ*, какимъ онъ долженъ совершить назначенный ему дѣла, также предуказанъ ему до мелочей. Въ продолженіе двухъ лѣтъ своего новіціата онъ нѣсколько разъ долженъ мѣнять комнату, которая служить ему жилищемъ; и самое мѣсто, на которомъ стоять его письменный столикъ и кровать, также непостоянно;—иначе вѣдь это содѣйствовало бы укрѣпленію его индивидуальности“.

„Все своеобразное, все характеристическія особенности, которыя даютъ отпечатокъ личности даже во *внѣшности*, новіціи должны отбросить. Походка, держаніе рукъ, взглядъ глазъ, наклоненіе головы, положеніе и движеніе всего корпуса опредѣлены точными предписаніями“.

„Буквально ничего не предоставлено свободному самоопредѣленію новіціи. Хочетъ онъ выпить глотокъ воды, — онъ долженъ просить позволенія; хочетъ онъ употребить въ дѣло клочекъ бумаги, книгу, карандашъ, — онъ долженъ просить позволенія“ (стр. 16—17).

Къ той же самой цѣли, къ возможно-болѣшему подавленію личной самостоятельности въ новіціяхъ, ведетъ и учрежденіе такъ-называемыхъ „*ангеловъ-хранителей*“ (Schutzengel). Сущность этого учрежденія, — въ оригинальномъ названіи котораго нельзя не видѣть нѣсколько легкомысленнаго, если не кощунственнаго, отношенія оо. іезуитовъ къ предметамъ вѣры, — заключается въ слѣдующемъ: каждому новіцію при началѣ новіціатства дается изъ среды товарищей „ангелъ-хранитель“, для котораго онъ взаимно является таковымъ же; они обязаны зорко слѣдить другъ за другомъ и ежедневно въ опредѣленный часъ указывать другъ-другу на проступки, которые они учинили въ тотъ день и которые каждый изъ нихъ подмѣтилъ за другимъ. Сила и дѣйствіе этого учрежденія увеличивается еще оттого, что нѣсколько разъ въ году, въ присутствіи наставника новіціевъ и всехъ сотоварищей, совершается такъ-называемое „*побѣнне камнями*“ (lapidatio); т. е.: извѣстный новіціи (для каждаго приходитъ своя очередь) долженъ стать на колѣна, — и тогда всякій изъ остальныхъ новіціевъ можетъ высказывать ему порицаніе за тѣ внѣшнія погрѣшности, какія онъ за нынѣшній примѣтилъ. И вотъ слышится съ разныхъ сторонъ: то — NN ходитъ слишкомъ быстро,

то — онъ ходитъ слишкомъ медленно; то — онъ слишкомъ часто оглядывается по сторонамъ, то — онъ слишкомъ упорно смотритъ прямо предъ собою; онъ говоритъ слишкомъ громко, — слишкомъ тихо, — и т. д. „Конечно, — добавляетъ авторъ. — такимъ способомъ часто устраняются дѣйствительно некрасивыя угловатости; но въ общемъ и непрерывномъ своемъ дѣйствіи способъ этотъ является усиленнымъ вытравливаніемъ индивидуальности и ея законныхъ обнаруженій. После столь часто получаемыхъ указаній и предостереженій (къ тому же — публичныхъ, прибавимъ мы) индивидуальность мало по малу начинаетъ уже бояться выступать наружу; она разстается съ своей самостоятельностью и своими особенностями, втягивается въ одну общую форму“ (стр. 17—18).

Преслѣдуя неуклонно шагъ за шагомъ всякое проявленіе личной самостоятельности въ своихъ новіціяхъ, іезуиты не предоставляютъ ихъ самимъ себѣ даже въ часы отдыха и прогулокъ. „Время ежедневнаго отдыха, — говоритъ Гёсепрехъ, — юный іезуитъ не можетъ проводить съ кѣмъ бы ему хотѣлось изъ сотоварищей по ордену, но на каждую недѣлю ему назначаются совершенно опредѣленные личности и только съ этими онъ можетъ разговаривать. Тоже самое имѣетъ мѣсто и при ежедневныхъ прогулкахъ“. — Это и понятно, замѣтимъ мы. Позволь іезуитизмъ своимъ юнымъ прозелитамъ въ часы досуга сходиться и бесѣдовать кому съ кѣмъ хочется, — онъ не могъ бы воспрепятствовать возникновенію и упроченію среди нихъ *дружбы*. А развѣ мирится дружба съ системой іезуитизма? Вѣдь, дружба всегда индивидуальна. (Не даромъ говорится: „скажи мнѣ, кто твой другъ, — и я скажу тебѣ, кто ты“). У друзей всегда найдется нѣчто общее для нихъ и особенное отъ другихъ, до чего другимъ и дѣла нѣтъ. Въ узлахъ дружества извѣстныхъ лицъ невольно сказывается общность интересовъ, стремленій, завѣтныхъ влеченій и убѣжденій, словомъ — то, что называется сродствомъ душъ, — и не только сказывается, но и находятъ себѣ поддержку. Какъ же могъ бы допустить все это іезуитизмъ, когда онъ такъ настойчиво и систематически стремится къ полному обезличенію своихъ адентовъ? Какъ могъ бы онъ признать сродство нѣкоторыхъ душъ, въ ихъ обособленности и отличіи отъ прочихъ, когда въ

немъ *вся* души обязательно должны походить другъ на друга и потому каждый долженъ быть одинаково расположеннымъ ко *всѣмъ* и ни къ кому въ особенности?!

Послѣ всякихъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ отдыховъ и прогулокъ каждый новицій обязанъ еще представить своему наставнику или его замѣтителю точный отчетъ (по большей части даже письменный) обо *всѣмъ*, что происходило и говорилось во время ихъ. Наконецъ, дважды въ году, при возобновленіи обѣтовъ, начальство собираетъ такъ-называемый *домашній советъ*, состоящій изъ старѣйшихъ отцовъ, живущихъ въ томъ же домѣ, — и въ этомъ советѣ новиціи снова подвергаются подробѣйшимъ допросамъ. — Впрочемъ, это послѣднее, — по замѣчанію автора, — равно какъ и учрежденіе „ангеловъ—хранителей“, установлено не только для времени новиціата, но и на все время образованія молодого иезуита, слѣдовательно—продолжается нерѣдко 12—14 лѣтъ (стр. 18—19).

„Все доселѣ упомянутое составляетъ такіа предписанія и правила, которымъ обязанъ подчиниться каждый. Но къ этому присоединяется еще множество советовъ и руководственныхъ наставленій, которыя конечно будутъ не менѣе дѣйственными, чѣмъ и тѣ общеобязательныя правила, если только новиціи станутъ слѣдовать имъ съ охотою. Такъ напр. имѣются советы относительно того, какъ ѣсть и пить, какъ говорить, ходить или сидѣть; есть советы, какъ раздѣваться (передъ сномъ), въ какомъ положеніи спать и какъ одѣваться; кратко сказать, — *всѣ* человекъ во *всѣхъ* его движеніяхъ и внѣшнихъ приемахъ, во время дня и ночи, отливаеся по извѣстной модели (gemodelt wird)“.

Авторъ заканчиваетъ свою характеристику обычной ежедневной жизни въ иезуитскомъ орденѣ указаніемъ на знаменитыя „правила скромности“ (regulae modestiae). Содержание этихъ правилъ, по его мнѣнію, можно кратко выразить въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ: „не морщить лба и еще менѣе носа (!); не стискивать губъ, но и не развѣшивать ихъ; при разговорѣ не смотрѣть собесѣднику въ глаза, но имѣть взоръ нѣсколько опущеннымъ; руки держать покойно; въ выраженіи лица не обнаруживать сильныхъ душевныхъ движеній, но всегда показывать ровную

веселость; походка всегда должна быть умѣренная; смѣхъ не долженъ быть громкимъ“.

„Представьте только себѣ человекъ, — заключаетъ авторъ, — который при разговорѣ никогда не смотритъ вамъ въ глаза; — неестественность будетъ прямо очевидна“ (стр. 19—20).

Справедливость требуетъ здѣсь добавить, что *всѣмъ* такимъ правиламъ молодые иезуиты *должны* слѣдовать, но въ дѣйствительности это не всегда исполняется. Здоровая натура молодости нерѣдко возмущается; и какъ бы ни слѣдилъ орденъ за выполненіемъ своихъ правилъ и советовъ, однако-жъ иезуита, который слѣдовалъ бы *всѣмъ* имъ и *вполнѣ*, — по словамъ автора, — нѣтъ и быть не можетъ. „И слава Богу! — восклицаетъ при этомъ Гёнебрехъ, — потому что въ противномъ случаѣ болѣе чѣмъ 10,000 живыхъ людей превратилось бы въ движущіяся куклы“.

Не смѣемъ спорить съ авторомъ по поводу этой его оговорки, что не найдется ни одного иезуита, который *вполнѣ* слѣдовалъ бы *всѣмъ* правиламъ и предписаніямъ ордена. Ему, пробывшему въ иезуитскомъ орденѣ 13 лѣтъ, это конечно лучше извѣстно по собственному опыту и непосредственному наблюденію, нежели намъ, знающимъ жизнь ордена лишь по книжкамъ. Но позволимъ себѣ здѣсь обратить вниманіе читателей на слѣдующее обстоятельство. Самъ же авторъ нашъ подчеркнул выше юный впечатлительный возрастъ и восторженное настроеніе поступающихъ вновь прозелитовъ ордена; а въ другомъ мѣстѣ брошюры (стр. 17) онъ прекрасно разъясняетъ, какъ эти восторженные юноши, мнящіе найти въ иезуитствѣ истинныхъ послѣдователей Иисуса, осуществляющихъ идеалъ христіанской жизни, заботятся о самомъ добросовѣтномъ выполненіи всего имъ предписаннаго, какой подвигъ внутренней борьбы и преодоленія своей природы приегаютъ они на себя изъ благороднаго стремленія угодить этимъ Богу и достигнуть истиннохристіанскаго совершенства. Если примемъ все это во вниманіе и если добавимъ къ этому, что описанная борьба съ собственной природою, которой съ такимъ увлеченіемъ отдаютъ юные иезуиты, не ограничивается внутреннею только собственно-нравственною сферою и не есть борьба только

противъ грѣха и порочныхъ склонностей, но захватываетъ рѣшительно *всего* человѣка, даже съ самыми невинными и безгрѣшными влеченіями его природы, даже съ его внѣшними приѣмами и манерами, то мы поймемъ тогда съ ясностію, какой безнащадной и всеобщей ломкѣ подвергается въ іезуитизмѣ личность человѣческая. „Можетъ быть, — скажемъ мы тогда, — дѣйствительно не найдется ни одного іезуита, который слѣдовалъ бы въ точности всеѣмъ предписаніямъ ордена и изъ живаго человѣка превратился бы въ движущуюся куклу; но столь же несомнѣннымъ должно быть и то, что во всемъ іезуитскомъ орденѣ не найдется также ни одного человѣка, который остался бы живою, цѣлостною, самостоятельною, вѣрною своимъ природнымъ задаткамъ, *личностію*“.

(Окончаніе будетъ).

А. Шосткинъ.

МАГИСТЕРСКІЕ ДИСПУТЫ.

Новый 18⁹³/₉₄ годъ въ нашей Академіи начался магистерскимъ colloquiumомъ, состоявшимся 10-го сентября въ присутствіи профессоровъ и студентовъ. Въ качествѣ диспутанта выступилъ Дмитрій Григорьевичъ Наумовъ, представившій на соисканіе степени магистра диссертацию „Митрополитъ Филаретъ, какъ капониистъ“. Послѣ молитвы секретаремъ Академіи было прочтено curriculum vitae магистранта. Диспутантъ — Дм. Григ. Наумовъ — сынъ діакона села Покровскаго Ярославской губерніи, Любимскаго уѣзда. Первоначальное образованіе получилъ въ Ярославской духовной Семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1886 году былъ посланъ семинарскимъ начальствомъ на казенный счетъ въ Московскую Академію для продолженія высшаго богословскаго образованія. Здѣсь онъ окончилъ курсъ ученія въ 1890 году со степенію кандидата и правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній. 1891 г. 29 Августа приказомъ г. Оберъ-Прокурора св. Синода былъ опредѣленъ на должность преподавателя греческаго языка въ Бирючевское духовное училище, гдѣ состоитъ и по настоящее время.

Изъ литературныхъ произведеній Дмитрія Григорьевича, кромѣ подлежащей защитѣ диссертации, извѣстны слѣдующія статьи: 1) Теократическія и іерократическія воззрѣнія Владимира Соловьева и Ф. Достоевскаго предъ судомъ каноническаго права Православной церкви и 2) Правда и милость, какъ юридическіе принципы по воззрѣніямъ и практикѣ Московскаго митрополита Филарета. Обѣ статьи напечатаны въ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ любителей